

DOI 10.35775/PSI.2026.127.3.003

УДК 93/94

Л.В. МЕЛЬНИК

аспирантка кафедры философии и социологии

факультета социальных наук и технологий,

Академия труда и социальных отношений, Россия, г. Москва

E-mail: melnikl@yandex.ru

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И АРМИИ (СО ВРЕМЕН ПЕТРА I ДО РАСПАДА СССР)

В настоящей статье осуществляется комплексный историко-политологический анализ российской модели взаимоотношений государства и вооруженных сил, охватывающий период от Петровских реформ до распада СССР. Исследование сфокусировано на совокупности институциональных, нормативно-правовых и практических аспектов, определяющих характер связей между военной организацией, политическим руководством и гражданским обществом. Установлено, что исторически армия в нашей стране играла важную роль в вопросах перераспределения политической власти, однако сама никогда не стремилась взять ее в свои руки. В периоды масштабных внутриполитических потрясений (смут, переворотов, кризисов легитимности) военные выполняли главным образом стабилизирующие функции, а поддержка с их стороны нередко становилась залогом успешного завоевания и удержания власти.

Ключевые слова: государство, армия, военно-гражданские отношения, политические институты, политическое представительство интересов.

В современной России существует уникальная система военно-гражданских отношений, основные особенности которой сформировались более трехсот лет назад. Актуализация внешнеполитических вызовов и угроз детерминирует необходимость глубокого осмысления исторических предпосылок, которые обуславливают уникальность отечественной модели взаимоотношений между государством и армией. Реалии проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины придают данной проблеме особую остроту и многомерность. Важно не только углубиться в вопросы истории России, но и извлечь уроки из богатого отечественного опыта позиционирования вооруженных сил по отношению к институтам политической системы общества. На основе сделанных выводов можно будет судить об эффективности механизмов и принципов взаимодействия власти и армии. Целесообразно начать наш историко-политологический анализ с эпохи Петровских реформ.

Фундаментальные преобразования Петра I заложили основу не только для формирования регулярной армии европейского типа, но и для принципиально иной модели государственного устройства, в рамках которой военный

институт обрел центральное положение. Введение рекрутской повинности, законодательно закрепленной в 1705 году, в сочетании с установлением пожизненной службы для дворянства, представляло собой не просто военно-техническую реформу, но и масштабный социально-политический проект, имевший далеко идущие последствия. Армия в петровскую эпоху трансформировалась в главный канал вертикальной мобильности - своеобразный «плавильный котел», через который проходили как представители служилого сословия, так и выходцы из податных групп населения. Данное обстоятельство способствовало формированию новой служилой элиты, чей статус и карьерный рост находились в прямой зависимости от воли монарха, что являлось радикальным отходом от традиций допетровской боярской аристократии, основывавшей свое влияние на родовом принципе. Офицерский корпус, получивший подготовку в духе европейского военного искусства, стал носителем передовых культурных и идеологических установок, выступив в роли ключевого проводника петровской модернизации в различные слои российского социума.

Принятие Воинского устава 1716 года и Табели о рангах 1722 года привело к созданию жесткой иерархической системы, где определяющим фактором служебного продвижения становились личная выслуга и профессиональные достижения, а не знатность происхождения. Важно подчеркнуть, что данная иерархическая модель впоследствии была распространена на всю систему государственного управления, подчинив гражданскую службу военной логике, дисциплине и принципам субординации. Таким образом, петровская армия выступила в роли образца для организации всего государственного аппарата. Гвардейские полки приобрели особый политический статус. Они выполняли функции не только элитных воинских соединений и личной охраны монарха, но и служили важнейшим институтом интеграции дворянской молодежи в систему государственной службы. Опираясь на гвардию, Петр I получал возможность проводить непопулярные среди боярской аристократии преобразования, преодолевая сопротивление консервативной части элиты. Следовательно, уже в петровскую эпоху была сформирована модель, предполагающая активное участие военной элиты в решении внутривластных вопросов.

Тем не менее, при Петре I гвардия также превратилась в потенциально дестабилизирующий фактор, способный оказывать существенное влияние на политические процессы, что в полной мере проявилось в последовавшую эпоху дворцовых переворотов. Период, наступивший после смерти Петра I, наглядно продемонстрировал, как институт, изначально созданный для укрепления государственности, может трансформироваться в источник политической нестабильности при отсутствии четко регламентированной системы престолонаследия и при ослаблении личной власти монарха. На протяжении тридцати семи лет именно гвардейские полки выступали в роли верховного арбитра, решавшего судьбу российского престола. Перевороты 1725, 1741 и 1762 годов были осуществлены силами гвардии, действовавшей в интересах различных придворных группировок. Это означало, что легитимность верховной власти в значительной

степени оказалась производной от согласия или, по крайней мере, поддержки со стороны военной элиты столичного гарнизона. Офицерский корпус, особенно гвардейский, осознал себя как самостоятельную политическую силу, способную влиять на высшую государственную политику. Однако важно отметить, что данная политическая активность носила преимущественно корпоративно-элитарный характер и не ставила под сомнение сам институт самодержавия как таковой, а лишь оказывала влияние на его персонификацию. Иными словами, армия как институт не стремилась к прямому захвату политической власти.

В эпоху дворцовых переворотов отчетливо проявилась тенденция, согласно которой лояльность армии определялась не только формальной присягой, но и групповыми интересами, материальными стимулами и влиянием ключевых фигур в офицерской среде. Данное обстоятельство вынуждало последующих монархов разрабатывать новые механизмы контроля и интеграции военной элиты в политическую систему. Политическая роль армии в данный исторический период может быть охарактеризована как пассивно-активная: военные не формулировали собственной политической программы, однако их силовой ресурс являлся необходимым условием для прихода к власти любой из конкурировавших придворных группировок.

Во второй половине XVIII – начале XIX века происходит процесс консолидации офицерского корпуса в качестве «благородного сословия» и главной опоры имперской государственности. Политическая роль армии эволюционирует от инструмента дворцовых переворотов к становому хребту государственного управления и носителю определенных идеологических концепций. Жалованные грамоты дворянству 1785 года окончательно закрепили привилегированное положение офицерства, которое фактически отождествилось со служилым дворянством. Армия стала основной сферой приложения сил для дворянского сословия, а военная служба – фундаментом его корпоративной идентичности и источником социального статуса. В этом качестве армия выступала как глубоко консервативный институт, кровно заинтересованный в сохранении сословного строя и самодержавной формы правления.

Отечественная война 1812 года может рассматриваться как рубежный этап в развитии военно-гражданских отношений в России. По окончании войны офицеры-победители, совершившие заграничные походы и познакомившиеся с идеями французского Просвещения, либерализма и национального самоопределения, привнесли эти настроения в российскую действительность. Это привело к возникновению в офицерской среде, прежде всего среди образованной молодежи, политически активного меньшинства, которое начало критически оценивать существующие социально-политические реалии, в первую очередь крепостное право и абсолютизм. Таким образом, армия породила в своих недрах будущих участников декабристского движения. В данном контексте она выступила не как единый политический актор, а как социальная среда, в которой вызревала альтернативная политическая программа. Подавление восстания декабристов в 1825 году силами войск, сохранивших верность правительству,

стало первым открытым политическим столкновением внутри военной элиты, где лояльность части офицерства была адресована не государю, а политическим идеалам. При этом даже декабристы не столько претендовали на прямой захват власти, сколько стремились к изменению основ государственного устройства.

Правление Николая I ознаменовалось попыткой максимальной политизации армии с целью превращения ее в инструмент охранительной идеологии. Шок от восстания декабристов привел к тому, что политическое руководство страны стало рассматривать армию не только как щит от внешних угроз, но и как главного гаранта внутренней стабильности. Военные принципы субординации, исполнительности и жесткого контроля были экстраполированы на гражданские сферы управления. Была усилена система военного воспитания и образования, ориентированная на формирование офицерского корпуса, абсолютно преданного престолу. Идеологическая триада «Православие, Самодержавие, Народность» активно внедрялась в армейскую среду. Армия должна была стать монолитным организмом, полностью изолированным от «крамольных» гражданских влияний. Политическая роль армии в эту эпоху была официально декларирована как роль верного, не рассуждающего о политике инструмента обеспечения безопасности. Однако, как справедливо отмечает российский исследователь В.В. Дягилев, офицерский корпус в полной мере не удовлетворился этой сугубо охранительной ролью [1. С. 616-618]. Поражение в Крымской войне (1853-1856 гг.) обнажило слабость подобной модели, продемонстрировав, что техническая и организационная отсталость, порожденная чрезмерным консерватизмом политической и военной элит, в конечном счете подрывает мощь вооруженных сил.

Реформы Александра II, особенно военная реформа Д.А. Милютина 1860-1870-х годов, кардинальным образом изменили социальный облик армии и ее место в обществе, что повлекло за собой глубокие политические последствия. Отмена крепостного права и введение всеобщей воинской повинности вместо рекрутских наборов преобразовали принцип комплектования вооруженных сил. Армия перестала быть сугубо дворянским институтом и приобрела всенародный характер. Это привело к снижению ее сословной замкнутости и, теоретически, должно было усилить связь с обществом. Офицерский корпус также стал постепенно демократизироваться, хотя генералитет и высшие командные должности по-прежнему оставались прерогативой потомственного дворянства.

С одной стороны, армия сохраняла функцию главной опоры монархии, активно привлекаясь к подавлению народных волнений и противостоянию революционному террору, особенно после убийства Александра II. С другой стороны, новая социальная структура делала ее более восприимчивой к настроениям, доминировавшим в обществе. Солдатская масса, формировавшаяся в основном из крестьян, несла на себе отпечаток социальных притязаний и чаяний этого сословия. В офицерской среде, наряду с консервативным большинством, сохранялись либеральные и даже радикальные настроения. Таким образом, в пореформенный период армия как политический институт стала более сложной

и внутренне противоречивой: она продолжала выполнять охранительную функцию, но ее социальная база уже не была столь однородной и безусловно лояльной.

После Революции 1905 года в России начался процесс институционализации парламентаризма, что привело к зарождению традиции включения профессиональных военных (как действующих офицеров и генералов, так и находящихся в отставке) в состав органов представительной власти. Численность военных депутатов в Государственной думе всех четырех созывов не была постоянной и зависела от изменений избирательного законодательства, политической конъюнктуры и общественных настроений. Наибольшее представительство военные имели в III Думе (1907-1912 гг.), что являлось прямым следствием изменений избирательного закона от 3 июня 1907 года, усилившего позиции правых и умеренно-консервативных сил, с которыми традиционно ассоциировалась значительная часть офицерства. Как отмечает А.В. Репников, в III Думе насчитывалось более 40 депутатов, чья профессиональная деятельность была непосредственно связана с армией или флотом, что составляло около 9% от общего состава палаты [4]. В I и II Думах, избранных на основе более широкого избирательного права, их число было существенно ниже, что объясняется доминированием либеральных и оппозиционных партий, менее привлекательных для кадрового офицерства.

Социальный портрет военного депутата характеризовался рядом типичных черт. Подавляющее большинство имело дворянское происхождение, высшее военное образование и большой командный стаж. Некоторые из них участвовали в Русско-японской войне 1904-1905 годов, что наложило отпечаток на их взгляды, особенно в вопросах технического перевооружения армии. Значительную группу составляли так называемые «земские военные» – отставные офицеры, избравшиеся от землевладельческих курий и активно занимавшиеся местным самоуправлением. Они сочетали в себе консервативные государственные взгляды с пониманием практических нужд на местах. Исследователь С.В. Куликов подчеркивает, что для многих военных депутатов служба в Думе воспринималась как продолжение государственной службы, а парламентская деятельность осмысливалась через призму дисциплины и долга [3]. Будучи в целом опорой консервативного курса и монархии, военные в Думе через свою работу в комиссиях и публичные выступления объективно способствовали огласке проблем армии, легитимируя их обсуждение в обществе. К 1917 году раскол в их рядах между сторонниками жесткой линии и теми, кто требовал ответственного перед Думой правительства для победы в войне, стал микрокосмом раскола всего российского элитного общества.

Первая мировая война стала катализатором системного кризиса империи, в котором армии суждено было сыграть роковую роль. Мобилизация миллионов крестьян и рабочих кардинально изменила масштаб и состав армии, превратив ее в «государство в государстве» – гигантский социальный организм, в котором сконцентрировались все противоречия российского общества: усталость от затяжной войны, недовольство снабжением, слухи о предательстве при дворе, социальная рознь между солдатами и офицерами. Фронт стал проводником

общественных настроений вглубь страны, а тыл – основным источником идеологического разложения для фронта. К 1917 году армия перестала быть надежным орудием в руках государственной власти. В ходе Февральской революции именно отказ Петроградского гарнизона подчиняться приказам руководства страны решил судьбу монархии. Знаменитый Приказ № 1 Петроградского совета, направленный на демократизацию армии и подрывавший принцип единоначалия, узаконил ее политизацию и ускорил процесс разложения. Офицерский корпус раскололся: часть сохранила верность присяге, часть пыталась лавировать, некоторые приняли революцию. Солдатская масса, жаждавшая мира и земли, стала основной социальной силой, которую стремились возглавить и использовать различные политические партии (эсеры, меньшевики, большевики и др.). В 1917 году армия не просто перестала быть защитником старого режима, но превратилась в основной ресурс в борьбе за власть. Значительная часть военных заняла сторону политической силы, обещавшей им землю и скорейшее установление мира.

Создание Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) в январе 1918 года может считаться поворотным моментом в российской истории военно-гражданских отношений. В отличие от профессиональных армий западных стран, РККА изначально задумывалась как классовая армия, формировавшаяся преимущественно из рабочих и беднейших крестьян. Ее политическая роль была закреплена уже в первых нормативных документах, предусматривавших обязательное присутствие военных комиссаров, осуществлявших партийный контроль над командным составом. В условиях Гражданской войны армия стала важнейшим инструментом не только вооруженной борьбы, но и политической мобилизации. Через ее структуры происходило распространение большевистских идей на периферийные территории, формирование новой административной элиты из числа командиров и комиссаров. Особенностью этого периода стало тесное переплетение военных и политических функций. Командующие фронтами и армиями нередко брали на себя административное управление освобожденными территориями, а политорганы армии занимались агитацией среди населения, созданием местных органов советской власти.

После окончания Гражданской войны началось формирование устойчивой системы партийного контроля над вооруженными силами. В 1920-е годы была создана разветвленная сеть политических органов управления армией: от Главного политического управления РККА до политотделов в воинских частях и учебных заведениях. Эти структуры выполняли не только идеологические функции, но и осуществляли кадровый надзор за командным составом, участвовали в принятии важных решений по вопросам военного строительства. В этот же период происходила институционализация взаимодействия между военным ведомством и высшими органами партийно-государственной власти. Регулярными стали доклады военного руководства на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), создавались совместные комиссии по военным вопросам, военная тематика заняла значительное место в повестке партийных съездов и конференций.

Армия становилась органической частью политической системы, а ее развитие подчинялось не только военно-стратегическим, но и общеполитическим соображениям. К концу 1930-х годов идеологическая работа в армии приобрела системный и всеобъемлющий характер [5. С. 1-7].

В годы Великой Отечественной войны политическая роль армии достигла своего апогея. В 1941 году Ставка Верховного Главнокомандования стала главным органом управления государством. Ею руководили как профессиональные военные, так и представители партийного руководства. Офицерский корпус, особенно его высшее звено, приобрел беспрецедентный авторитет в обществе. После завершения Войны полководцы-победители стали национальными героями, их мнение по военным вопросам имело значительный вес. Это создавало потенциальные предпосылки для усиления политического влияния военных. Сильно изменился социальный состав офицерского корпуса: в него вошло много выходцев из крестьянских и рабочих семей, выдвинувшихся благодаря личной храбрости и командирским способностям, но не всегда имевших достаточное образование и политическую подготовку. Армейская модель управления с ее жесткой иерархией, дисциплиной и единоначалием оказала влияние на послевоенную организацию государственного аппарата, усилила тенденции к централизации и бюрократизации. Опыт военных лет надолго определил мобилизационный характер советской политической системы, ее готовность к чрезвычайным мерам в решении сложных проблем. После смерти И.В. Сталина армия сыграла важную роль в реализации транзита и перераспределения верховной власти.

В послевоенные десятилетия армия СССР стала важнейшим элементом военно-промышленного комплекса, который оказывал существенное влияние на экономическую политику и распределение ресурсов в стране. Сравнительно высокие расходы на оборону (до 25% ВВП) определяли структуру промышленности, научно-технические приоритеты, региональную политику (размещение оборонных предприятий в «закрытых» городах) [2. С. 91-103]. В рамках ВПК сложился мощный лоббистский потенциал, отстаивавший интересы оборонных отраслей в высших эшелонах власти. Военно-промышленная элита включала не только представителей армии, но и руководителей оборонных предприятий, научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро. Коллективное влияние данных структур на принятие решений по вопросам безопасности, научно-технической политики, международных отношений было значительным, хотя и не афишировалось публично. Развитие ракетно-ядерного оружия в 1950-1960-е годы создало новые измерения политической роли армии. Стратегические ядерные силы стали не только инструментом сдерживания потенциального противника, но и фактором внутренней политики – символом могущества советского государства, источником престижа для правящей элиты, аргументом в идеологическом противостоянии с Западом. Управление этими силами требовало высокой профессиональной компетентности, что способствовало относительной автономии стратегических командований от повседневного политического контроля.

Именно в советские годы сформировались основополагающие принципы политического представительства интересов военных, многие из которых с поправкой на современные политические реалии сохраняют свою актуальность вплоть до настоящего момента. Выделим следующие механизмы политической репрезентации военнослужащих и ветеранов боевых действий, активно применявшиеся в СССР:

1. Членство военных в высших органах КПСС. Высшие офицеры (как правило, в звании не ниже генерал-полковника) регулярно избирались членами Центрального Комитета (ЦК) КПСС и кандидатами в члены ЦК. Например, на XXIV съезде КПСС в состав ЦК было избрано 11 представителей армии и флота. Это обеспечивало им формальное участие в выработке ключевых партийных решений, затрагивавших в том числе вопросы обороны и безопасности.

2. Депутатство в Верховном Совете СССР и Верховных Советах союзных республик. Командующие войсками округов, групп войск, флотов практически автоматически включались в депутатские корпуса соответствующих уровней. Хотя Верховный Совет выполнял в основном ритуальные функции, депутатский мандат легитимизировал участие военных в публичной политике и расширял их статус.

3. Работа в исполнительных органах власти. В послевоенный период, особенно с 1960-х годов, ряд высших военачальников занимали посты заместителей министров обороны с широкими административными функциями (по вооружению, строительству и расквартированию войск, кадрам). Их деятельность тесно переплеталась с работой отраслевых отделов ЦК КПСС и Госплана СССР.

4. Участие в коллегиальных органах управления в кризисные периоды. В годы Великой Отечественной войны ключевую роль играли Военные советы фронтов, армий и округов, в состав которых наряду с командующими входили высокопоставленные политработники и представители партийных органов регионов. Этот опыт создал прецедент тесного сращивания военного и партийно-государственного управления в экстраординарных условиях, что отчасти воспроизводилось позднее при создании различных чрезвычайных комиссий.

В годы перестройки армия оказалась в сложном положении. С одной стороны, либеральная пресса и прозападно настроенная часть общества жестко критиковали ее за стремление сохранить территориальную целостность СССР при помощи силы, за консерватизм и сопротивление реформам. С другой стороны, в самой армии нарастало недовольство ухудшением условий службы, снижением социального статуса военнослужащих, непоследовательностью военных реформ. Политическая нейтрализация армии в решающие дни августовского путча 1991 года стала показателем глубины кризиса советской политической системы. Высшее военное руководство фактически устранилось от активного участия в политической борьбе, а командование военных округов в основном заняло выжидательную позицию. Это свидетельствовало о том, что к концу советского периода армия как институт в значительной мере утратила самостоятельное политическое значение. После распада СССР начался сложный

этап институциональных трансформаций, в ходе которого сформировалась современная российская модель военно-гражданских отношений, существующая по сей день. Она впитала в себя богатый исторический опыт, накопленный, как минимум, за последние 300 лет.

Таким образом, российская армия исторически играла важную роль в вопросах перераспределения политической власти, однако сама никогда не стремилась взять ее в свои руки. В периоды масштабных внутривластных потрясений (смут, переворотов, кризисов легитимности) военные выполняли главным образом стабилизирующие функции, а поддержка с их стороны нередко становилась залогом успешного завоевания и удержания власти. Красной нитью через историю Российской империи, Советского Союза и современной России проходит традиция инкорпорирования военнотружущих в политическую элиту страны. Этот процесс всегда регулировался и направлялся государством. Попадая в представительные и законодательные органы власти, выходцы из вооруженных сил, как правило, становились ретрансляторами государственной позиции. Их корпоративная солидарность выражалась в лоббировании инициатив, направленных на укрепление вооруженных сил, развитие военно-промышленного комплекса, повышение денежного довольствия и социального статуса военнотружущих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дягилев В.В. Основные тенденции развития государственной идеологии в России в XVIII-XIX веках // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12.
2. Захарченко А.В. Хозяйственные ведомства во второй половине 1940-х гг.: к типологии «лоббистских групп» в советской плановой системе. Часть 2 // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2023. Том 5. № 1 (17).
3. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань, 2004. 467 с.
4. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. 527 с.
5. Щербаков Ю.В. Изменение системы военного строительства в СССР в 1930-е годы: переход от смешанного к кадровому принципу комплектования Красной армии // Universum: общественные науки. 2016. № 10 (28).

L.V. MELNIK

Postgraduate of the Department of Philosophy
and Sociology, Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia

THE GENESIS OF THE RUSSIAN MODEL OF RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE ARMY (FROM THE TIME OF PETER THE GREAT TO THE COLLAPSE OF THE USSR)

This article provides a comprehensive historical and political analysis of the Russian model of relations between the state and the armed forces, covering the period from Peter the Great's reforms to the collapse of the USSR. The study focuses on a set of institutional, regulatory, and practical aspects that determine the nature of the links between the military organization, political leadership, and civil society. It has been established that historically, the army in our country has played an important role in the redistribution of political power, but it has never sought to take it into its own hands. During periods of large-scale internal political upheavals (troubles, coups, crises of legitimacy), the military performed mainly stabilizing functions, and their support often became the key to successful conquest and retention of power.

Key words: state, army, civil-military relations, political institutions, political representation of interests.